

Юрский Сергей

207.03,

Попытка диалога

В недавно открытом Вookафе известный артист и писатель **СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ** и издательство «Вагриус» провели презентацию только что выпущенных книг Сергея Юрьевича «Все время жара» и «Попытка думать». Оказалось, что это лишь начало задуманного семитомника. В связи с чем Сергей Юрский ответил на сразу возникшие вопросы.

— Сергей Юрьевич, это что, года сурово клонят к собранию сочинений?

— В предисловии к первой книжке, написанном мною, сказано, что это есть призыв к диалогу с читателем и обещание чего-то вроде коллекции. Если любите собирать, то вот, дескать, начинайте покупать, видите, какие красивые книжки. Это шутка, как и все, что будет в этих книгах. Шутливости не лишена даже столь серьезная и важная для меня книжка эссе, которая называется «Попытка думать».

— Почему попытка? Вроде бы думанье — это процесс...

— Опять же, открываю эту книжку и читаю первую фразу предисловия: «Думать вредно!» — я это хорошо знал, ведь я учился в театральном институте. Во-первых, если я скажу, что мыслю, то меня просто осмеют: актер, а еще мыслить лезет! Поэтому надо быть скромнее. Но вообще я, конечно, пошучиваю и то, что отчасти отношу к себе, отношу и к обществу. Мне кажется, что мы настолько отучились делать думанье частью своего дня, что нам уже пора попытаться начать, делать первую попытку.

— На самом деле в этой книге — ваши статьи о Генрике Ибсене, о Михаиле Чехове, о стихах Бродского. Будут ли в серии ваши воспоминания?

— Эта серия книг есть попытка задеть читателя. Поэтому она, как зебра, — смешное чередуется с серьезным, комическое — с грустным. То, что

написано в первой книге «Все время жара», — это комедия. «Попытка думать» тоже, надеюсь, не лишена юмора, но более серьезна. Третий том, возможно, будет называться «Мозги на отдыхе». Там будет не только малая проза, но и драматургия, пародии. Будет, скажем, новая пьеса Шекспира, уже, кстати, поставленная в театре «Тень». Пьеса, думаю, привлечет внимание, потому что новые пьесы Шекспира сейчас все реже появляются. Будут и новая пьеса Александра Николаевича Островского, и неизвестная пьеса Беккета, прочие новинки литературы. Будут стихотворные вещи. Я бы не хотел произносить слова «капустник», «пародия», поэтому скажу, что это будет смесь всего — драматургия, проза, стихи.

— Четвертый том тоже на контрасте?

— Да, он, скорее всего, будет сентиментальным. Это портреты людей, по которым плачешь постоянно, короткие и длинные мои воспоминания. Здесь будут Раневская и Плятт, Юрий Никулин и Михаил Волков, Женя Евстигнеев и множество других людей. Возможно, я заново напишу текст о своих родителях. Назову еще только пятую книжку. Она будет о тоске нашего поколения по социализму. Она будет о состоянии души, свойственном тем годам накопления. Под прессом, под давлением плю накопление и развитие души. А сейчас — годы траты. И потому некоторое опустошение наблюдаю я в себе и в людях.

— Играете ли вы как актер то, что пишете?

— Иногда играю, но это требует много труда. Когда-то я поставил фильм «Чернов» по своему сценарию. С тех пор я в кино не работал. Сейчас рискнул сделать предложение каналу «Культура» поставить свой рассказ «Случай с доктором Лекриным». На днях вопрос будет решаться. Это попытка восстановления короткого комедийного фильма на телевидении. Если они найдут средства, а мне удастся собрать актеров, то этим летом мы, возможно, снимем часовую телевизионную картину. Вообще-то, я предпочел бы, чтобы кто-нибудь другой этим занимался, но так как отклика на свои книги не видел, то посмотрим, что получится.

Начало семитомника

— Вы говорите об отсутствии отклика, о попытке диалога с читателем. На это и рассчитан выпуск целой серии книг?

— Знаете, в нашем совершенно глухом мире наблюдается странная вещь. Даже если книжки издаются, даже если они покупаются, даже если они читаются, есть какой-то странный выключатель в сознании, который не дает открыться потоку восприятия и диалога. Да, смысл этих книг — в диалоге, который должен начаться и быть продолжен.

— Что, как опытный актер, работающий с аудиторией, вы для этого предлагаете?

— Предлагаю засмеяться и предлагаю для этого материал.

Если это состоится, значит, мы в одном ритме, и дальше начнется разговор. Дальше — содержание: то, над чем можно смеяться, а над чем лучше стать серьезным, потому что смеяться все время опасно, это кретинизм. Дальше — содержание. Я не пахарь и не сеятель в отношении читателя, я хочу нащупать его смеховую точку и его болевую точку. Эти две точки — замечательное начало для разговора. Если нигде не болит и ничего не смешно, тогда люди идут мимо. Что в основном и происходит. Но когда проходят годы, вдруг становится жутко, что ты прошел мимо всего, и мимо тебя прошло все. А дальше что?

— Дальше — писательская слава.

— Понимаете, я в этом смысле свободен. То, что называется славой, желанием выделиться из толпы и сказать: «Заметьте меня!» — все это мне дала другая профессия. В этом смысле я спокоен. Мне нужен ответ в какой угодно форме. Если действительно удастся шутить целыми книжками, то одну из них я назову «Зрелость — позади!».

— Теперь о пустяках: как профессиональный писатель чем вы пользуетесь — авторучкой, машинкой, компьютером?

— Я прошел все этапы. Естественно, я очень долго писал рукой. Последние четыре года я пишу на компьютере, и это совершенно другой поворот. Я побаиваюсь всех новых явлений, тем более так далеко идущих, как Интернет, но пишу на компьютере. Мой зять обучил меня некоторым премудростям.

— Вы играете на сцене, выступаете с концертами, выпускаете книги, ставите фильмы и спектакли — сами успеваете читать?

— Я читаю невероятное количество пьес, поскольку я председатель жюри по драматургии. В отличие от многих я читаю толстые журналы, и они меня интересуют, хотя очень часто вызывают величайшее раздражение. Но это живой процесс, это сейчас написанная вещь. В частности, в последнем номере журнала «Континент» есть поразительный материал, связанный с явлением Богородицы в Боснии, с чудесами и со всем вокруг этого. Я с наслаждением читаю книжку Юлия Крелина «Извивы памяти», это простая и очень глубокая книжка. Очень трудно, но с большой пользой для себя читаю, с одной стороны, Исайю Берлина, его том «Философия свободы», и, с другой, статьи Ольги Седаковой, которые меня поражают и глубиной, и мощностью.

— Не пробовали как писатель выбрать между московской и ленинградской писательскими школами? Какая вам ближе?

— Я никак не могу выбрать. И это не страх кого-нибудь обидеть, а правда. Я живу между этими двумя городами. Я родился в Ленинграде. Я пошел в школу и учился первые годы в Москве. Я кончил театральный институт, учился и работал двадцать лет в театре в Ленинграде. Но я уже двадцать пять с лишним лет работаю в Москве, и Москва мне не чужая. Вот это место, где мы с вами сейчас находимся, — с бывшим кинотеатром «Экспресс» напротив, в который я ходил в свои детские годы, и цирк, в котором худруком служил мой отец, и Самотека, куда теперь судьба меня привела в «Вагриус», — это все моя родина. Точно так же, как и Фонтанка.

БЕСЕДОВАЛ ИГОРЬ ШЕВЕЛЕВ

Каминский. 2003. - 2 тома. - с. 11.

44